

BYZANTINA XRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΔΕΚΑΤΟΣ

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Э. Регеля

Члена-Корреспондента Академіи.

ТОМЪ X.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1903.

КОММИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ.

К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig.

К. Л. Ricker, Inselstr. 20.

729 1.2

BYZANTINA CHRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΔΕΚΑΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Α' καὶ Β'.

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

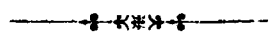
ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Э. Рогов

Члена-Корреспондента Академіи.

ТОМЪ X.

ВЫП. 1—2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1903.

КОММИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. | K. L. Ricker, Inselstr. 20.
K. L. Ricker, Невскій пр. 14.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВАГО И ВТОРОГО ВЫПУСКОВЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

	Стр.
Одинъ только переводъ Псевдокаллистоена, а древне-болгарская энциклопедія X вѣка — мнимая. В. Истрина	1
Къ исторіи нравственнаго ученія въ восточной церкви. Н. Суворова.	31
Византійскій лагерь конца X вѣка Ю. Кулаковскаго.	63
Письмо императора Іоанна Цимискіа къ армянскому царю Ашоту III Хр. Кучукъ-Іоаннесова.	91
Продромъ Марціановской рукописи XI 22. С. Пападимитріу.	102

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

В. Турчаевъ. Исслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи. Рец. Б. Меліоранскаго	164
F. Hanna. Das byzantinische Lehrgedicht Spanas. Рец. Влад. Сахарова.	172
Ioannis Laurentii Lydi liber de mensibus. Рец. А. Нимитскаго.	174
H. Vopel. Die altchristlichen Goldgläser. Рец. О. Вульфа	180
E. Kurtz. Zwei griechische Texte über die hl. Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI. Рец. А. Нимитскаго.	184
P. H. Bourier. Ueber die Quellen der ersten vierzehn Bücher des Ioannes Malalas. Рец. А. Васильева.	190
H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Рец. А. Васильева.	194
H. Gaisser, O. S. B. Le Système musical de l'Eglise grecque d'après la tradition. Рец. J. Thibaut.	203

БИБЛИОГРАФІЯ.

Россія. И. Соколова.	211
Германія. В. Меліоранскаго.	230
Франція. А. Васильева.	239
Италія. А. Васильева и А. Пальміери	252
Англія. А. Васильева.	258
Голландія. А. Васильева.	264
Швеція. А. Васильева.	264
Португалія. А. Васильева.	264
Греція и Турція. А. П.-Керамевса.	265
Новыя книги, поступившія въ Редакцію	277

ОТДѢЛЪ III.

Мелкія замѣтки и извѣстія	280
-------------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНІЕ.

№ 1. Actes de l'Athos. I. Actes de Xenophon. Louis Petit.	1
---	---

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ. Подписка принимается у книгопродавца-издателя Н. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границу.

Редакція журнала помѣщается у В. Э. Регеля, на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

ОТДѢЛЪ I.

Одинъ только переводъ Псевдокаллисфена, а древнеболгарская энциклопедія X вѣка — мнимая.

На страницахъ Византійскаго Временника (т. VII, № 1, 1899 г.) была помѣщена статья акад. А. А. Шахматова подъ заглавіемъ «Древнеболгарская энциклопедія X вѣка». Эта небольшая статья представляетъ цѣлый рядъ положеній, неспровергающихъ старые выводы по многимъ вопросамъ. Статья касается собственно двухъ памятниковъ—Александріи и Еллинскаго Лѣтописца, и тому и другому памятнику отведено приблизительно по одинаковому числу страницъ. Конечный результатъ статьи Шахматова тотъ, что «въ X вѣкѣ въ Болгаріи была составлена обширная энциклопедія изъ почти всей имѣющейсѣ къ тому времени въ наличности переводной литературы. Въ Россіи эта энциклопедія появилась не позже XI вѣка, причемъ она произвела рядъ компиляцій, извѣстныхъ частью подъ именемъ Еллинскаго и Римскаго лѣтописца, а частью—подъ другими названіями» (стр. 34). Между прочимъ, въ этой энциклопедіи находились двѣ Александріи: 1) «Александрія въ переводѣ, близкомъ ко второй греческой редакціи», и 2) «Александрія въ другомъ переводѣ по редакціи значительно обособленной»¹⁾. Въ своей статьѣ авторъ подробно останавливается на доказательствахъ указанныхъ двухъ положеній, причемъ исходнымъ пунктомъ служитъ ему мое изслѣдованіе объ Александріи русскихъ

1) Тѣ же результаты съ нѣкоторыми выходящими изъ нихъ слѣдствіями изложены Шахматовымъ въ другой его статьѣ «Начальный Кіевскій Лѣтописный сводъ и его источники», помѣщенной въ Трудахъ Этнографическаго Отдѣла Общества люб. естеств., этногр. и географ. при Москов. унив. т. XIV, стр. 1—9 (Юбилейный томъ въ честь проф. Всев. Фех. Миллера).

хронографовъ, вышедшее въ 1893 году. Но авторъ совершенно отвергаетъ мои выводы о взаимоотношеніи двухъ редакцій Александріи. Въ то время какъ я призналъ, что переводъ Александріи былъ одинъ, и что та редакція, которую я назвалъ второй, явилась изъ первой путемъ переработки, главнымъ образомъ при посредствѣ добавленій, — Шахматовъ утверждаетъ, что издавна существовало два перевода Александріи съ различныхъ греческихъ редакцій, одна съ краткой, другая — съ полной, что оба перевода помѣщались рядомъ въ одномъ памятникѣ, который онъ называетъ энциклопедіей, и впоследствии, когда изъ этой энциклопедіи стали выдѣляться различныя редакціи Еллинскаго Лѣтописца, то авторы послѣднихъ брали то ту редакцію Алѣксандріи, то другую, то наконецъ производили смѣшеніе той и другой. При такомъ взглядѣ положеніе дѣла измѣняется радикально, и если оправдаются положенія Шахматова, то мои выводы сведутся къ нулю.

Прежде чѣмъ разбирать настоящій вопросъ по существу, считаю нужнымъ коснуться высказанныхъ авторомъ нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ, отъ которыхъ давно-бы слѣдовало отказаться, или, по крайней мѣрѣ, высказывать ихъ съ большою осторожностью. Не находя возможнымъ признать появленіе второй редакціи Александріи на Руси въ виду ея особенной литературной обработки, авторъ говоритъ слѣдующее: «Пользованіе десятью—пятнадцатью источниками при литературной работѣ предполагаетъ, мнѣ кажется, совершенно иную обстановку, чѣмъ та, среди которой работалъ русскій книжникъ: врядъ же ему могло быть одновременно доступно такое книжное богатство, а если и было доступно, то врядъ ли онъ сумѣлъ бы въ немъ разобраться и цѣлесообразно употребить обильный и разнородный матеріалъ» (стр. 6—7). Еще рѣзче это высказывается на стр. 24: сказавъ, что я признаю вторую редакцію Александріи стройнымъ цѣлымъ, свидѣтельствующимъ о начитанности ея редактора и умѣнь пользоваться прочитаннымъ, авторъ продолжаетъ такъ: «Неужели могло возникнуть такое изъ ряду вонъ выдающееся произведеніе на Руси XIV—XV в.? Если бы даже допустить возможность компиляціи на основаніи двухъ десятковъ литературныхъ источниковъ, то невѣроятно предположить, чтобы русскій книжникъ могъ дать своей компиляціи опредѣленную фязіономію, выдержать особенный тонъ въ разказѣ, предложить напр. рѣчь Дарія въ художественномъ исполненіи, представивъ въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ очень реально мысль о суетѣ міра». — Отъ та-

нихъ положеній лучше всего отказаться. Когда почему-либо нужно доказать, что такой-то и такой-то памятникъ не могъ появиться на Руси, тогда часто начинаютъ съ того, что онъ не могъ появиться потому, что русскій человѣкъ того времени былъ де недостаточно образованъ. Съ этого обыкновенно начинали напр. рѣчь о происхожденіи Толковой Палеи, и мнѣ уже разъ пришлось высказываться противъ такого предвзятаго мнѣнія, которое выдвигается всякій разъ, какъ въ немъ явится нужда. Я не могу сказать по этому поводу ничего новаго кромѣ того, что я сказалъ однажды, но въ виду только что высказаннаго повторенія, я нахожу нужнымъ еще разъ повторить то, что мною было сказано по поводу замѣчаній Франка о Толковой Палеѣ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1898 г. № 1-й, ч. 315, стр. 115): «Г. Франко высказываетъ сомнѣніе, чтобы на Руси могъ найтись такой ученый человѣкъ, который могъ бы черезъ всю книгу провести одну идею, и спрашиваетъ, почему бы авторомъ не могъ быть какой-нибудь грекъ, научившійся писать по церковному? Въ научной литературѣ проскальзываютъ такія мысли, и малоученость древнерусскаго человѣка часто служитъ исходнымъ пунктомъ для сужденій о мѣстѣ сложенія того или другого памятника. Казалось-бы, нужно было судить какъ разъ наоборотъ. При настоящемъ положеніи вопроса объ объемѣ древнерусской литературы и происхожденіи того или другого памятника еще нѣтъ никакихъ основаній къ обвиненію въ полномъ невѣжествѣ и неспособности древне-русскаго человѣка составлять изъ готовыхъ источниковъ что-нибудь свое, какую-нибудь свою компиляцію, нужную для тѣхъ или другихъ цѣлей. Мы слишкомъ еще недостаточно знаемъ древнерусскаго книжника, чтобы сплеча а ргіогіи записать его разъ навсегда въ ряды людей, неспособныхъ къ живому труду. Но если мы будемъ внимательно слѣдить за успѣхами изученія древнерусской литературы, то мы поневолѣ должны будемъ все болѣе и болѣе признавать за «мало-ученымъ Русиномъ» способность пользоваться доступнымъ ему матеріаломъ для своихъ соображеній... Для пользы дѣла слѣдуетъ разъ навсегда оставить предвзятую мысль о какой-то неспособности къ самостоятельной работѣ древнерусскаго книжника... Вполнѣ понятно, что предвзятая мысль о малоучености древнерусскаго книжника... можетъ не допускать возникновенія такого памятника, какъ Толковая Палея, на Руси изъ подъ пера русскаго книжника, подобно тому какъ отвращеніе къ западу и предвзятая мысль о византійскомъ происхожденіи всѣхъ на-

шихъ литературныхъ произведеній можетъ мѣшать правильному взгляду на старые переводы съ латинскаго языка».—Теперь приходится, какъ видимъ, повторить то же самое. Ну а если, спросимъ мы, взгляды автора на вторую редакцію Александрии не оправдаются, какъ не оправдались взгляды прежнихъ изслѣдователей, которымъ послѣдовалъ и г. Франко, на Толковую Палею? Лучше такія послышки до поры до времени оставить. Да и почему обстановка времени Симеона въ Болгаріи въ этомъ отношеніи была болѣе благоприятна, нежели обстановка русскаго книжника XII—XIV в. въ извѣстныхъ періодахъ и въ извѣстныхъ мѣстахъ? Вѣкъ Симеона называется, правда, золотымъ вѣкомъ, но литературное движеніе этого вѣка выражалось въ переводахъ и только въ переводахъ. Никакихъ компилятивныхъ работъ, въ родѣ нашей лѣтописи, Толковой Палеи, или такихъ, какъ Слово о Полку Игоревѣ—мы въ тотъ періодъ не находимъ. Поэтому, вѣкъ Симеона можетъ быть названъ «золотымъ» въ смыслѣ непосредственнаго перехода византійской литературы въ болгарскую, но не въ смыслѣ развитія литературныхъ обработокъ стараго матеріала, о чьемъ наиболѣе успѣвали русскіе книжники.

Повидимому, для автора доказательствомъ происхожденія второй редакціи Александрии изъ особаго греческаго оригинала служить совпаденіе ея въ нѣкоторыхъ чертахъ съ латинской *Historia de proeliis*. Особенно это совпаденіе замѣчается въ смѣшеніи перваго лица съ третьимъ въ добавленіяхъ описанія хожденія Александра на востокъ: Александръ говоритъ отъ перваго лица, редакторъ, добавляя чудеса, старается также говорить отъ перваго лица, но иногда ошибается и ведетъ рѣчь отъ третьяго (Шахм. 24, у меня 189). Совпаденіе въ данномъ случаѣ второй редакціи Александрии съ *Historia de proeliis*, вторая редакція которой явилась также путемъ распространенія первой, краткой (см. у меня, стр. 40—43), съ перваго взгляда, пожалуй, могло бы свидѣтельствовать въ пользу Шахматова, если бы послѣдній доказалъ, что и *Historia de proeliis* полной редакціи также представляетъ особый переводъ греческаго оригинала, совпадавшаго, по крайней мѣрѣ во многомъ, съ оригиналомъ второй редакціи Александрии. Если бы это можно было доказать, то у насъ былъ бы большой соблазнъ приводить вторую редакцію Александрии и вторую редакцію *Historia de proeliis* въ непосредственную связь, возводя ихъ къ одному греческому источнику. Но этого нѣтъ, и полная редакція *Historia de proeliis* имѣетъ свое независимое происхожденіе на латинской почвѣ,

какъ это доказано изслѣдователями. Въ такомъ случаѣ приводить ихъ въ генетическую связь никоимъ образомъ нельзя, и если я въ своей книгѣ дѣлалъ сопоставленія, то не для доказательствъ ихъ генетической связи, а для доказательствъ, что процессъ обработки средневѣковыхъ памятниковъ былъ приблизительно одинаковъ и въ Византии, и на Западѣ, и на Руси. Да если мы ограничимся одной славяно-русской литературой, то и тутъ можемъ видѣть примѣры сбивчивости авторовъ въ приспособленіи къ обрабатываемому памятнику новаго матеріала. Въ Толковую Палею, въ первую ея редакцію, вошли, между прочимъ, два апокрифа — Откровеніе Авраама и Лѣствица Іакова. Апокрифы вели рѣчь отъ перваго лица, но автору нужно было первое лицо переимѣнить на третье, что онъ и дѣлалъ, но, оказывается, не всегда: по недосмотру оставлялъ и первое. Это свидѣтельствуетъ только за то, что различныя добавленія должны приниматься именно за добавленія, сдѣланныя каждымъ авторомъ независимо.

Въ связи съ этимъ находится другое утвержденіе Шахматова относительно Синаодальнаго списка Александріи № 154, который я призналъ за одну изъ посредствующихъ ступеней между первой и второй редакціями. Оставляя пока въ сторонѣ опредѣленіе этого списка Александріи, я долженъ сказать, что утвержденіе автора, по которому «совершенно невѣроятно допустить, чтобы второй редакторъ дополнилъ свой трудъ изъ тѣхъ самыхъ источниковъ, которые уже послужили составителю переходной редакціи» (стр. 26), — не можетъ имѣть большого значенія, какъ противорѣчащее фактамъ. Достаточно указать на послѣдующія редакціи той же Толковой Палеи. Авторы ихъ дополняли свои обработки на основаніи тѣхъ же матеріаловъ, изъ которыхъ составила первая редакція, причемъ брали въ свою очередь изъ этихъ матеріаловъ то, что было пропущено старыми редакторами; таковы были заимствованія изъ Заветовъ 12 патріарховъ, изъ Откровенія Авраама и изъ Лѣствицы Іакова. Начитанный авторъ хорошо видѣлъ сходство отдѣльныхъ частей памятника и дополнял ихъ. Значитъ, это само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ невозможности образоваться второй редакціи Александріи такъ, какъ я указалъ.

Авторъ особенно настаиваетъ на характерѣ второй редакціи Александріи, какъ на доказательствѣ невозможности появленія ея на Руси. Характеристика второй редакціи сдѣлана была въ свое время мною, и эта характеристика стала исходнымъ пунктомъ для Шахматова: онъ

ее вполне признаеть и изъ нея исходитъ. Но я вполне поступаю съ той характеристикой, которая въ свое время была сдѣлана мною на стр. 240, и, вслѣдъ за акад. Веселовскимъ, теперь не нахожу возможнымъ ставить вторую редакцію Александріи не ниже западныхъ Александрій. Я и теперь признаю, что въ нашей Александріи нѣтъ ничего рыцарскаго, какъ въ западныхъ Александріяхъ, и что Александръ не вышелъ изъ рамокъ, очерченныхъ ему оригиналомъ нашего романа. Но теперь я, вслѣдъ за акад. Веселовскимъ, не вижу въ этомъ особеннаго достоинства, а вижу естественную необходимость, единственный способъ, которымъ могла состояться переработка стараго содержанія. Эта естественная необходимость и дѣлала то, что на Александра не легла ни одна черта христіанства: покорность судьбѣ уже намѣчена въ его оригиналѣ, и авторъ романа только попалъ въ тонъ и провелъ его съ послѣдовательностью. Но иначе ему и нельзя было поступить при тѣхъ средствахъ, которыми онъ владѣлъ, и при томъ образованіи, которое онъ получилъ. Въ остальномъ нѣтъ ничего, что препятствовало бы признать ея авторомъ русскаго книжника. Если послѣднему извѣстна и историческая, и поучительная, и апокрифическая литература, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: книжникъ и долженъ былъ знать всю подобную литературу.

«Главнымъ результатомъ предыдущаго изслѣдованія — говоритъ авторъ — надо признать слѣдующій выводъ: въ памятникѣ, называвшемся Еллинскимъ Лѣтописцемъ, были помѣщены двѣ переведенныя съ греческаго языка Александріи. Въ скоромъ времени, оставаясь въ томъ же памятникѣ, онѣ начали сближаться любознательными читателями и искусными книжниками: въ основаніе была положена Александрія, близкая ко второй греческой редакціи, причемъ дополненія къ ней изъ второй Александріи вносились въ видѣ маргинальныхъ примѣчаній и руководящихъ ссылокъ на соотвѣтствующія мѣста второй Александріи» (стр. 30). Чтобы доказать существованіе двухъ переводовъ одного и того же памятника, нужно сдѣлать немного: нужно сравнить тотъ и другой переводъ съ оригиналомъ, если послѣдній существуетъ, и путемъ извѣстныхъ методологическихъ приѣмовъ придти къ заключенію о двухъ переводахъ. Это единственный и самый вѣрный путь. Но авторъ этого не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать, ибо отъ второго перевода не осталось никакого слѣда. Авторъ насчитываетъ четыре вида Александріи соотвѣтственно признаваемымъ имъ четырѣмъ видамъ Еллинскаго Лѣтописца, и ни въ одномъ видѣ онъ не

находить слѣдовъ второго перевода соответствующихъ мѣсть. Ему и не нужно было искать этихъ слѣдовъ, ибо ихъ отсутствіе было ему ясно изъ моего изслѣдованія и изданія. Поэтому и мнѣ ничего не остается, какъ повторить то, къ чему я пришелъ въ своемъ изслѣдованіи, а именно, что тамъ, гдѣ мы имѣемъ въ различнаго рода Александріяхъ соответствующій текстъ, мы имѣемъ дѣло съ однимъ переводомъ. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ слѣды второго перевода? Оказывается, что слѣды этого второго перевода мы должны видѣть въ тѣхъ добавленіяхъ, которыя находимъ теперь въ различныхъ видахъ Александріи при сравненіи ея съ греческой второй редакціей. На основаніи добавленій, по мнѣнію автора, нужно предположить, что на греческомъ языкѣ была составлена особая редакція Александріи, не дошедшая до насъ, причѣмъ она составила изъ редакціи В (вторая редакція) со всѣми тѣми добавленіями, или, по крайней мѣрѣ, съ большинствомъ изъ тѣхъ, которыя мы находимъ во второй редакціи славянской Александріи. Этотъ новый, полный перевод помѣщался рядомъ съ старымъ переводомъ. Тогда произошла удивительная исторія. Какой то книжникъ, можетъ быть, не одинъ, сталъ сравнивать строчку за строчкой обѣ Александріи и все, что оказывалось лишнимъ во второмъ переводѣ, крупныя и мелкія статьи, отдѣльныя выраженія и слова, онъ приписывалъ на поляхъ противъ соответствующихъ мѣсть перваго перевода; иногда же онъ не выписывалъ, а просто дѣлалъ ссылки на соответствующія мѣста второй Александріи. Такъ получился испещренный списокъ перваго перевода Александріи. Остальные редакторы стали каждый по своему распоряжаться этими маргинальными примѣчаніями на поляхъ и ссылками на вторую редакцію Александріи: одни передавали основной текстъ Александріи, внося ничтожныя добавленія; другіе до половины вносили эти добавленія, а потомъ бросили; наконецъ, третьи внесли всѣ дополненія и воспользовались всѣми ссылками. Но никто изъ нихъ не тронулъ текста второго перевода Александріи. Гдѣ же онъ? Онъ совершенно исчезъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ изобрѣтать второй переводъ Александріи? Вѣдь сущность дѣла остается одна и та же. Какъ у меня вторая редакція представляется происшедшею изъ первой посредствомъ распространенія ея новымъ матеріаломъ, такъ и у Шахматова эта же самая редакція представляется происшедшею изъ первой при посредствѣ распространенія ея новымъ матеріаломъ. Различіе будетъ только въ рѣшеніи вопроса, откуда редакторъ бралъ этотъ новый матеріалъ.

По Шахматову, редакторъ бралъ этотъ матеріалъ изъ второго перевода Александрія, который частью былъ выписанъ его предшественникомъ на поляхъ, частью взятъ имъ самимъ на основаніи разныхъ ссылокъ, тоже находившихся на поляхъ его неполнаго текста. Такъ или иначе, но вторая редакція Александрія является особой литературной обработкой славянскимъ, если не русскимъ, книжникомъ стараго текста на основаніи готоваго уже славянскаго матеріала. Объ особомъ переводѣ Александрія здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Если примемъ положеніе Шахматова, то, не говоря о противорѣчій фактическимъ даннымъ, мы получимъ довольно странный путь. Переводится какая-то особая редакція Александрія, которая, если исключить дополненія, буквально сходится съ старымъ переводомъ. Эти дополненія, вынутыя изъ одного перевода, приписываются на поляхъ къ другому переводу. Редакторы, имѣя подъ руками оба перевода, продѣлываютъ совершенно непонятную работу: берутъ первый переводъ и вставляютъ въ него дополненія, помѣщенные на поляхъ, а то и просто по ссылкамъ выписываютъ въ первый переводъ выписки изъ второго. Такимъ образомъ, вторично получается первоначальный видъ второго перевода, какъ онъ вышелъ изъ греческаго оригинала, но только искусственнымъ путемъ, гдѣ общій текстъ взятъ изъ перваго перевода, а вставки—изъ второго! Не проще ли было бы хотъбы редактору II вида Еллинскаго Лѣтописца, вмѣсто того, чтобы продѣлывать такую хитроумную работу, взять да и списать цѣликомъ второй переводъ Александрія, который былъ у него тутъ же подъ руками и въ который онъ по необходимости заглядывалъ, такъ какъ не всѣ выписки могли помѣститься на поляхъ? И зачѣмъ автору понадобилось изобрѣтать такой переводъ и такой путь происхожденія второй редакціи Александрія, который самъ по себѣ совершенно не нуженъ и для увѣрованія въ который нужно имѣть большое воображеніе? Для облегченія составленія различныхъ видовъ Еллинскаго Лѣтописца въ этомъ изобрѣтеніи не было никакой нужды, такъ какъ они могутъ объясняться даже съ точки зрѣнія Шахматова безъ придуманной исторіи Александрія. Очевидно, существованіе второго перевода понадобилось для того, чтобы оправдать представленіе о существовавшей нѣкогда «подъ однимъ переплетомъ» громадной энциклопедіи, въ которую для увеличенія ея объема нужно было помѣстить еще одинъ переводъ полной Александрія. Но объ энциклопедіи рѣчь будетъ впереди.

Но положимъ даже, что мы признаемъ и такой неестественный путь образованія второй редакціи Александріи. Далѣе признаемъ, что и весь второй переводъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, исчезъ, какъ исчезли многіе памятники. Тогда намъ остается одинъ путь — рассмотреть всѣ эти добавленія, внесенныя якобы въ первый переводъ Александріи изъ второго, и рѣшить вопросъ объ ихъ происхожденіи. Если можно будетъ доказать, что они существовали и внѣ второго перевода Александріи, то у автора исчезнетъ послѣдній козырь; если же нѣтъ, то на сторонѣ автора останется нѣкоторая вѣроятность, основывающаяся, впрочемъ, единственно на томъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго.

По словамъ автора, предположенію, что вторая редакція Александріи составлена изъ первой русскимъ книжникомъ, дополнившимъ ее на основаніи многочисленныхъ памятниковъ болѣе или менѣе однороднаго содержанія, «противорѣчить въ особенности то обстоятельство, что источникъ многихъ изъ вставокъ не можетъ быть указанъ, а источникомъ другихъ оставалось бы признать какія-то неизвѣстныя на Руси народныя сказанія объ Александріи» (стр. 21). Но первое не есть доказательство. То, чего нельзя было указать ранѣе, можетъ быть указано позже. Мы всегда находимся въ зависимости отъ наличнаго матеріала, находка котораго въ свою очередь зависитъ въ достаточной степени отъ случая. Важно только то, чтобы неизвѣстное не противорѣчило извѣстному по существу. Въ данномъ же случаѣ нѣтъ никакого противорѣчія. На стр. 239 моего изслѣдованія указаны 15 случаевъ, гдѣ мною не могъ быть указанъ источникъ, но изъ нихъ большинство касается отдѣльныхъ небольшихъ выраженій, изъ которыхъ безъ всякаго опасенія иныя могутъ быть приписаны изобрѣтательности редактора. Наиболѣе крупныя добавленія, источникъ которыхъ въ свое время мною не могъ быть указанъ, читаются лишь стр. 201—2 (III, 10), 204 (III, 5) и 220 (III, 16).

Что же касается до народныхъ сказаній объ Александрѣ, то я готовъ ихъ уступить. Вслѣдъ за акад. Веселовскимъ, я теперь болѣе склоненъ думать, что сказанія о камняхъ, объ испытаніи глубины морской и о восхожденіи Александра на небо взяты изъ письменнаго источника, до насъ недошедшаго. Мнѣ также теперь кажется, «что включеніе въ Александрію русскимъ книжникомъ, дополнившимъ ее по письменнымъ источникамъ, народныхъ сказаній представляется мало вѣроятнымъ» (не скажу — совершенно невѣроятнымъ). То, что

я не могу указать этого источника — ничего не доказывает: при болѣе тщательныхъ поискахъ, можетъ быть, таковой и найдется. Да если и не найдется, то и это не можетъ служить доказательствомъ, что его и не было. Сказаніе объ Индійскомъ Царствѣ въ той редакціи, которая вошла въ Александрію, также не отыскано въ отдѣльномъ видѣ, а между тѣмъ оно существовало.

Кромѣ этого, Шахматовъ останавливается на эпизодѣ объ юношѣ-стрѣлкѣ, ставя мнѣ въ упрекъ то, что я, «не обращая вниманія на то, что тотъ же эпизодъ, по указанію А. Н. Веселовскаго, находится въ греческой народной книгѣ Λόγος Ἀλεξάνδρου», нахожу возможнымъ признать заимствованіе его второй редакціей изъ Пчелы. По его словамъ, я «упустилъ при этомъ изъ виду возможность заимствованія Пчелою эпизода о юношѣ изъ Александріи» (стр. 22). Последнее утвержденіе не можетъ имѣть мѣста. Изъ изданія Семенова (Сборникъ отд. русск. языка Акад. Наукъ, т. 54) мы узнаемъ, что этотъ эпизодъ читается какъ въ древнѣйшемъ спискѣ русской Пчелы (пергаменный сп. Публ. Библ. Г. п. I. № 44), такъ и въ древнѣйшемъ греческомъ спискѣ Пчелы Публ. Библ. (гр. № CVIII), а также въ спискѣ Парижской Библіотеки № 1169, какъ, по указанію М. Н. Сперанскаго, отмѣчено у меня въ изслѣдованіи стр. 204. Парижская же Пчела № 1169, по словамъ Михайлова (Ж. М. Н. Пр. 1893 г. № 1-й, отд. 2, стр. 46) и Семенова (введ. XXIII), должна считаться наиболѣе близкой къ оригиналу, съ котораго былъ сдѣланъ славянскій переводъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакой ни нужды ни возможности видѣть заимствованіе Пчелой эпизода о стрѣлкѣ изъ Александріи: въ русской Пчелѣ этотъ эпизодъ является первоначальнымъ, переведеннымъ съ греческаго оригинала. Что же касается того указанія, что «этотъ эпизодъ въ сербской Александріи читается на томъ же мѣстѣ, что во второй нашей редакціи» (стр. 22), то это основано, очевидно, на недоразумѣніи. Ничего общаго въ данномъ случаѣ между нашей Александріей и сербской нѣтъ. Во второй редакціи нашей Александріи эпизодъ помѣщенъ тамъ, гдѣ онъ только и долженъ быть, а именно при описаніи битвы Александра съ Поромъ, которая во второй ред. подверглась распространенію. При этомъ и говорится, что «біющимъ жеса имъ дѣиіи сѣмь, ключиса Александрови изымати юношю Индѣянина на полкѣ хитра стрѣланіемъ» (изд. стр. 197). Въ сербской же Александріи рассказъ объ этомъ эпизодѣ находится среди прочихъ примѣровъ мудрости Александра, и потому безъ всякой связи съ битвой

македонянь съ индійцами. Весь рядъ приведенныхъ разсказовъ въ Сербской Александріи долженъ, дѣйствительно, быть возведенъ къ греческому оригиналу въ виду соотвѣтствія таковымъ же въ нѣкоторыхъ среднегреческихъ текстахъ. Но въ послѣднихъ эти разсказы стоятъ совершенно особнякомъ отъ связнаго разсказа о походахъ Александра, и, въ виду ихъ отсутствія въ греческихъ редакціяхъ Псевдокаллисфена, нужно признать ихъ позднѣйшей вставкой въ видѣ цѣлаго собранія мудрыхъ дѣйствій Александра въ тотъ оригиналъ, отъ котораго пошли среднегреческіе тексты и сербская Александрія. Вслѣдствіе всего этого, нѣтъ никакой возможности ставить по отношенію къ данному случаю въ связь вторую редакцію Александріи и сербскую Александрію, и эпизодъ объ юношѣ-стрѣлкѣ относитъ къ какой то недошедшей до насъ Александріи, восходящей къ тому же оригиналу, къ какому восходитъ будто бы сербская Александрія.

Также на недоразумѣніи, очевидно, основано указаніе на то, что «вторая редакція, такъ же какъ и сербская и вопреки первой редакціи, говоритъ о юношѣ-тезкѣ Александра» (стр. 22). Сопоставленіе съ сербской Александріей здѣсь не можетъ имѣть мѣста, а тѣмъ болѣе не можетъ быть и рѣчи о возведеніи эпизода къ одному источнику — какой то особой греческой Александріи, такъ какъ у меня вполне ясно доказано, что весь этотъ эпизодъ вмѣстѣ съ предшествующимъ общимъ взглядомъ на Александра взять изъ хроники Георгія Амартола, и притомъ изъ славянскаго уже перевода, съ которымъ онъ совпадаетъ буквально (см. изслѣд. стр. 237 — 8). Совпаденіе же въ плачѣ Олимпіады настолько несущественно, что не можетъ останавливать на себѣ вниманіе. Весь плачъ во второй редакціи Александріи заключается въ одной строкѣ: «и оусрѣтши Алимпіада, мѣи его, вопіаше горко, бьющесѧ и стѣнюще». Упомянутіе о плачѣ матери надъ гробомъ Александра на столько естественно, что для него нѣтъ нужды восходить далеко — къ греческому оригиналу.

Итакъ, вопреки мнѣнію Шахматова, я утверждаю, что указанныя совпаденія совершенно недостаточны для того, «чтобы задуматься надъ причинами близости сербской Александріи и нашей второй редакціи» (стр. 23). Авторъ не признаетъ вліянія сербской Александріи на вторую русскую, но почему бы ее и не признать? Если автору было желательно привести въ связь ту и другую Александрію, то гораздо было бы проще признать именно вліяніе сербской. Я не признаю въ свое время, какъ не признаю и теперъ, этого вліянія потому,

что не нашелъ явныхъ слѣдовъ этого вліянія или даже вообще сопряженія, и на этомъ же основаніи не могу признать вліянія на вторую редакцію со стороны такой, которая во многихъ чтеніяхъ совпадала съ сербской. Если же авторъ думаетъ, что на вторую редакцію повліяла такая, «которая во многихъ чтеніяхъ совпадала съ сербской», то было бы проще видѣть непосредственное вліяніе послѣдней. Но онъ не объясняетъ намъ, почему, по его мнѣнію, «предположеніе о вліяніи сербской Александріи на вторую редакцію русской должно быть отвергнуто» (хотя этого вліянія никто и не признавалъ), и предположеніе какой то особой Александріи, «которая во многихъ чтеніяхъ совпадала съ сербскою», понадобилось для другихъ цѣлей.

Далѣе авторъ продолжаетъ: «Это предположеніе подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ соображеній. Такъ для доказательства его, по моему мнѣнію, вполне достаточно привести указаніе Истрина на то, что авторъ второй редакціи Александріи сдѣлалъ отъ себя въ 30-й главѣ III книги добавленіе, вполне совпадающее съ одной редакціей Псевдокаллисфена (съ кодексомъ С.): не слѣдуетъ ли отсюда, что составитель второй редакціи былъ знакомъ не только съ первой редакціей Александріи, но еще съ другой редакціей, до насъ не дошедшей?» На это слѣдуетъ отвѣтить: 1) вполне недостаточно и 2) нисколько не слѣдуетъ. Я сдѣлалъ вышеприведенное указаніе только лишь для того, чтобы показать, какъ различные авторы въ мелочахъ могутъ давать намъ совпаденія, и никакъ не думалъ, что такое ничтожное совпаденіе кому-нибудь дастъ поводъ къ заключенію въ родѣ сейчасъ указаннаго. Дѣло касается прибавки одной фразы. Въ первой редакціи читается: «дѣтскоѣ же тѣло баше мрѣтво», а во второй — «дѣтиноѣ же тѣло верхнеѣ баше мрѣтво а еже Ѡ стегнѣ, а то живо баше». Не нужно было никакого знакомства съ особой редакціей Александріи, чтобы сдѣлать такое прибавленіе. Если дѣтская часть родившагося урода была мертва, то слѣдовательно другая часть, нижняя, была жива; тѣмъ болѣе это было ясно для редактора, что далѣе объясненіе толкованія въ первой редакціи читается такъ: «аще бы врѣховнаа страна жива была и подвизалася бы, такоже и звѣріѣ иже соуть по нею» (изд. стр. 101). Ничего нѣтъ удивительнаго, если и русскій писецъ, который всячески распространялъ свой оригиналъ, къ словамъ «дѣтскоѣ же тѣло баше мрѣтво» добавилъ самъ отъ себя — «а еже Ѡ стегнѣ, а то живо баше», и греческій писецъ, осо-

бенность котораго заключалась въ томъ же, къ словамъ оригинала *ἡ δὲ τοῦ παιδίου προτομή ἦν τεθνηκυῖα* добавилъ въ видѣ глоссы *τὸ ἐν μέρῳ τὸ καὶ ἀνδρώπου μορφὴν εἰκόνιζον, τὰ δὲ ἄλλα μέρη κινούμενα καὶ ζῶντα*. — Если же, далѣе, авторъ говоритъ, что онъ не видитъ «необходимости» допустить, чтобы въ нашу вторую редакцію новыя имена приближенныхъ Александра (Селевкій, Филиппъ, Дмитрій, Антигонъ) попали не изъ Александріи (особой редакціи), а изъ хроникъ Амартола и Малалы (какъ это дѣлаю я), то въ этомъ случаѣ наши шансы равны. Если бы мы имѣли цѣлый рядъ случаевъ совпаденія нашей второй редакціи съ греческимъ кодексомъ С и ни одного совпаденія съ хрониками, то пожалуй и на данный случай можно бы смотрѣть подобно Шахматову. Если же мы не имѣемъ случаевъ такого яснаго совпаденія съ кодексомъ С, а изъ хроникъ, по крайней мѣрѣ изъ хроникъ Амартола, заимствованія не подлежатъ никакому сомнѣнію (объ этомъ далѣе), то и я съ такимъ же правомъ — я дѣлаю даже уступку: не говорю — съ гораздо большимъ — могу сказать, что «не вижу необходимости допустить» заимствованіе изъ Александріи особой редакціи.

Итакъ, и совпаденія съ кодексомъ С нисколько не подтверждаютъ существованіе особаго перевода Александріи, въ которой были бы указанные особенности.

На стр. 19 авторъ касается соотношенія славянскаго перевода съ 2-й греческой редакціей (ред. В., код. В') и придаетъ особенное значеніе тому указанному мною факту, что славянскій переводъ не отъ слова до слова соотвѣтствуетъ кодексу В, но немало мѣстъ, гдѣ онъ совпадаетъ и съ другими кодексами, а иногда славянскій переводъ не соотвѣтствуетъ ни одному изъ изданныхъ четырехъ кодексовъ — А, В, С, L. Отсюда авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: «На вопросъ, имѣемъ ли мы право возстановлять на основаніи славянскаго перевода Александріи такой греческій оригиналъ, который совмѣщала бы всѣ его многочисленныя особенности, думаю, должно отвѣтить отрицательно». Такое сомнѣніе является напраснымъ. Каждый, кто имѣетъ дѣло съ греческими рукописями и ихъ славянскими переводами, хорошо знаетъ, что и греческіе списки представляютъ такое же разнообразіе въ вариантахъ, какъ и славянскіе, даже, пожалуй, больше, и это разнообразіе въ вариантахъ всегда отражается въ переводѣ. Когда какого либо памятника намъ извѣстно большое число списковъ, тамъ мы почти всегда находимъ полное соотвѣтствіе перевода оригиналу,

при чемъ для послѣдняго приходится выбирать изъ всѣхъ списковъ соответствующія чтенія. Такимъ путемъ мною могло быть доказано существованіе двухъ буквальныхъ переводовъ Первоевангелія Іакова. Въ большинствѣ случаевъ мы все-таки и среди большого количества греческихъ списковъ не находимъ такого, который вполне бы соответствовалъ славянскому переводу, но — и это вась не смутить; это покажетъ только то, что намъ пока еще неизвѣстень, но что былъ такой именно списокъ со всѣми указываемыми особенностями. Особенно въ этомъ нѣтъ никакой нужды сомнѣваться, если изъ всего характера перевода видимъ, что переводчикъ переводилъ буквально, слѣдуя слово за словомъ греческому тексту, что и имѣло какъ разъ мѣсто съ Александріей, ибо анализъ перевода привелъ меня къ выводу, что «переводчикъ переводилъ буквально, слово за словомъ, не исправляя ошибокъ греческаго текста и впадая самъ въ ошибки» (изсл. 138). — Помимо всего этого, я вижу здѣсь непослѣдовательность. Шахматовъ не боится на основаніи славянскаго текста (2-й ред. Александріи) возстановить такой греческій оригиналъ, подобнаго которому нѣтъ и слѣда въ извѣстныхъ намъ греческихъ, а тутъ не соглашается признать существованіе такого, который отличался бы отъ другихъ въ очень ничтожныхъ случаяхъ.

Но согласимся на минуту съ авторомъ. Тогда мы должны признать, что тѣ особенности, которыя отличаютъ славянскій переводъ (1-й ред.) отъ извѣстныхъ греческихъ, не могутъ восходить къ греческому оригиналу, но взяты въ него изъ другой особенной Александріи, на существованіи которой Шахматовъ такъ настаиваетъ. Спрашивается — откуда же попали въ эту послѣднюю Александрію эти особенности? Очевидно, изъ какого-то греческаго оригинала. Если такъ, то почему же они не могли существовать въ томъ списокѣ, съ котораго былъ сдѣланъ переводъ? Шансы для того и другого одинаковы. Но допустимъ, что и тутъ Шахматовъ былъ бы правъ. Тогда мы должны допустить такой процессъ, для признанія котораго нужно имѣть очень большое воображеніе. Нужно предоставить себѣ, что какой-нибудь читатель, сравнивая два текста Александріи строка за строкой, выдѣляя самыя мелчайшія отличія второго текста отъ перваго и вносилъ ихъ въ послѣдній, или же помѣщалъ на поляхъ, откуда они вносились въ текстъ впоследствии. Но изъ сличенія, сдѣланнаго мною на стр. 97—109, видно, что въ громадномъ количествѣ случаевъ эти особенности были весьма незначительны,

вслѣдствіе чего совершенно непонятно становится, зачѣмъ нужно было продѣлывать кому-либо указанную работу, и непонятнымъ также остается и самый способъ ея.

Однимъ словомъ, взглядъ Шахматова ни съ какой стороны не можетъ быть принятъ. Но и факты не подтверждаютъ его. Добавленіе второй редакціи о взятіи Оивъ (I, 46), несомнѣнно, составлено самимъ авторомъ редакціи на основаніи разсказа въ I, 27, составлено при этомъ неумѣло, ибо послѣ того какъ было сказано, что «Александръ же съ дрѣгою тысящею, с порогами, и съ сѣлицами хожѣаше», опять говорится про Александра — «самъ же Александръ съ храбрыми гѣшь пристѣпи къ вратомъ друугымъ и взимае гра». Что городъ былъ взятъ и раскопанъ (Александръ же раскопавши гра), редакторъ зналъ изъ I, 27, гдѣ читается—«плѣнивъ же гра, прѣ и раскопа весь». Что касается до вставки въ I, 35 о вхожденіи Александра въ Иерусалимъ, то я привелъ въ изслѣдованіи всѣ данныя въ доказательство того, что этотъ эпизодъ попалъ уже въ готовый переводъ. Въ виду того, что во второй редакціи этотъ эпизодъ помѣщенъ нѣсколько раньше, въ I, 33, Шахматовъ говоритъ, что «можно допустить существованіе еще третьяго источника въ видѣ особой Александриѣ» (стр. 20). Но какъ же онъ попалъ въ послѣднюю? Очевидно, тоже изъ готоваго перевода. Если такъ, то этимъ самымъ нарушается основное представленіе объ особой Александриѣ, какъ такой, которая всѣ особенности получала изъ греческаго оригинала. Настоящій случай будетъ этому противорѣчить, но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ. Что же доказываетъ различное мѣсто эпизода въ обѣихъ редакціяхъ? Ничего. И при взглядѣ Шахматова мы должны признать, что какая-то редакція его поставила не туда, гдѣ онъ былъ въ ея оригиналѣ, который, очевидно, подвергся переработкѣ, и слѣдовательно и съ этой точки зрѣнія оригиналомъ могла быть съ такимъ же правомъ и первая редакція.

Я могу теперь сказать гораздо больше. Въ Академіи Наукъ находится въ настоящее время особый хронографъ, XV вѣка, вполне соответствующій Уваровскому хронографу № 3 (18). Въ немъ находится, между прочимъ, стоящая отдѣльно Александриѣ первой редакціи, и въ ней Иерусалимскій эпизодъ помѣщенъ еще раньше, въ I, 30. Отсюда слѣдуетъ, что этотъ эпизодъ уже въ одномъ изъ списковъ 1-й редакціи, повидимому, былъ тамъ, гдѣ его помѣщаетъ 2-я редакція.

Также перестановка могла объясняться тѣмъ, что эпизодъ этотъ не связанъ ничѣмъ съ общимъ ходомъ разсказа.

То же самое нужно сказать и относительно статьи Палладія. Къ тому, что было сказано мною въ изслѣдованіи, я могу прибавить только немногое. Слова автора, что въ первомъ видѣ Еллинскаго Лѣтописца «эта статья занимаетъ совершенно не подобающее ей мѣсто», могутъ быть приняты лишь съ ограниченіемъ: статья стоитъ совершенно отдѣльно и является какъ вторичное, параллельное повѣствованіе объ Александрѣ; оба разсказа стоятъ рядомъ, независимо другъ отъ друга, а это обстоятельство вмѣстѣ съ другими, указанными мною въ изслѣдованіи, и доказываютъ, что въ первой редакціи Александрія ея не было. Послѣдующій редакторъ помѣстилъ ее тамъ, гдѣ она должна была находиться, т. е. при разсказѣ Псевдокаллисфена о посѣщеніи Рахманъ Александромъ. Совпаденіе съ А Псевдокаллисфена не можетъ удивлять, ибо не много нужно было для редактора соображенія, чтобы помѣстить статью Палладія послѣ III, 6. Отсюда она перешла въ *Bios 'Αλεξάνδρου*. Въ упомянутой Александріи хронографа Академіи Наукъ статья Палладія совсѣмъ замѣнила собой соотвѣтствующія главы Псевдокаллисфена. Намъ остается пока неизвѣстнымъ, кто дополнилъ ее другими статьями, хотя я, на основаніи общаго характера второй редакціи Александріи, и думаю, что здѣсь участвовала рука одного редактора: кто помѣстилъ статью послѣ III, 4, тотъ и распространялъ ее и другими статьями. — Дальнѣйшее утвержденіе автора, что вторая редакція, «сливъ Палладіеву статью съ текстомъ Александріи, руководствовалась готовою редакціей Александріи, гдѣ уже было сдѣлано такое соединеніе» (стр. 20), повидимому, надо понимать такъ, что соединеніе произошло на греческой почвѣ, и статья Палладія явилась вмѣстѣ съ общимъ переводомъ Александріи: но уже самое существованіе статьи Палладія въ отдѣльномъ видѣ, независимо отъ Александріи, говоритъ противъ этого положенія. Но даже, въ чемъ выразилось тутъ руководство? И кто ее распространялъ вставками, если и онѣ не были также въ греческомъ оригиналѣ? Очевидно, тотъ, кто составлялъ вообще вторую редакцію Александріи: но— авторъ отрицаетъ за нимъ какое бы-то ни было пользованіе чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ какой-то особой Александріи. Если же такъ, то этимъ самымъ нарушается общее представленіе о характерѣ работы надъ второй редакціей, и каждый можетъ спросить, почему тотъ же редакторъ не могъ продѣлать того же самаго и въ другихъ случаяхъ.

Нужно принять во вниманіе особенно то, что вставки въ статью Палладія взяты уже изъ славянскихъ источниковъ. — Однимъ словомъ, при представленіи особой какой-то Александріи мы всякій разъ запутываемся въ противорѣчіяхъ, и, наоборотъ, становится все яснымъ и понятнымъ, какъ только оставимъ о ней мысль.

Остается теперь самое главное. Я уже приводилъ слова Шахматова, что «вторая редакція, положивъ въ основаніе тотъ же переводъ (т. е. что въ первой редакціи), значительно дополнила его вставками, крупными и мелкими» (стр. 27). Тотъ, кто это утверждаетъ, долженъ прежде всего опредѣленно высказать, какого рода текстъ представляютъ намъ эти вставки — особый ли переводъ или тотъ же, что и въ тѣхъ памятникахъ, изъ которыхъ отрывки они представляютъ. Если совершенно особый, то еще кое-какъ, съ разными натяжками, при условіи отсутствія другихъ отрицательныхъ данныхъ, можно бы признавать положеніе автора. Однако, послѣдній этого не утверждаетъ и, конечно, не будетъ утверждать, такъ какъ у меня доказано въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованія, что вставки взяты изъ готоваго перевода, частью буквально, частью въ перефразировкѣ и сокращеніи, но такъ, что можно замѣтить текстуальную связь съ славянскимъ оригиналомъ. Повторять мнѣ нѣтъ нужды. Въ такомъ случаѣ, если станемъ на точку зрѣнія Шахматова, мы должны предполагать два исхода. Во первыхъ, надо полагать, что второй переводчикъ, переводя греческій оригиналъ, оставлялъ его всякій разъ, когда встрѣчалъ лишнее противъ перваго перевода, и обращался къ соответствующимъ мѣстамъ въ славянскомъ переводѣ памятника, и соответствующія мѣста вставлялъ въ свой трудъ, а затѣмъ уже авторъ теперешней второй редакціи переносилъ ихъ въ текстъ перваго перевода. Но эта такая сложная махинація, которая въ примѣненіи не къ одному какому-нибудь отрывку, но къ цѣлому ряду, должна быть признана совершенно невозможной, не говоря уже о томъ, что она требовала бы такого обширнаго познанія въ литературѣ, котораго не допускаетъ самъ авторъ. — Во вторыхъ, можно представлять себѣ дѣло такъ, что второй переводчикъ перевелъ свой оригиналъ весь цѣликомъ, но авторъ теперешней второй редакціи, сліявая два перевода, всякій разъ, когда во второмъ переводѣ встрѣчалъ лишнее противъ перваго, не пользовался этими дополненіями, но подыскивалъ соответствующія мѣста въ готовыхъ источникахъ, иначе — второй переводъ какой-то особой Александріи служилъ ему схемой, а матеріаломъ — первый переводъ и

наличная славянская литература. Но это будетъ то же самое, что и я доказывалъ: лишнимъ будетъ лишь совершенно ненужное построение.— Въ этихъ двухъ возможностяхъ не можетъ быть придумано никакое объясненіе. Не поможетъ нисколько предположеніе «маргинальныхъ примѣчаній и руководящихъ ссылокъ». Трудно даже понять, что разумѣлъ авторъ подъ тѣми и другими и какимъ образомъ авторъ представляетъ себѣ дѣло. Пусть онъ укажетъ хоть одну старую рукопись, въ которой были бы хоть какіе нибудь слѣды подобныхъ «маргинальныхъ примѣчаній и руководящихъ ссылокъ». Нужно при этомъ имѣть въ виду, что такими примѣчаніями и ссылками поля рукописи въ данномъ случаѣ должны были быть совершенно испещрены; но даже болѣе— о «маргинальныхъ примѣчаніяхъ» не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ при уставномъ письмѣ X вѣка, при употребленіи пергамента, когда не могли оставаться большія поля, не было никакой возможности вмѣстить на нихъ тѣ обширныя вставки, которыя встрѣчаются во второй редакціи. Удовольствоваться же признаніемъ существованія только массы ссылокъ можно лишь при рѣшимости приравнять книжника X в. къ современному ученому, который испещряетъ поля читаемой книги массой ссылокъ. Не отрицая безусловно возможности существованія такого рода книжника, я желалъ бы, чтобы оно являлось какъ выводъ изъ изслѣдованія, а не какъ исходный пунктъ для послѣдняго.

Такимъ образомъ, и фактическая сторона свидѣтельствуетъ за то, что авторъ второй редакціи Александріи просто на просто взялъ первоначальный текстъ, осложнившійся лишь іерусалимскимъ эпизодомъ, и подвергнувъ его переработкѣ на основаніи уже готоваго матеріала.

Нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Большинство дополненій второй редакціи Александріи взято изъ такихъ памятниковъ, которые или, несомнѣнно, относятся къ Симеоновской эпохѣ, или могутъ быть къ ней отнесены, послѣдніе—на томъ основаніи, что у насъ пока нѣтъ данныхъ противъ такого приуроченія. Слѣдовательно, съ этой стороны, эти вставки могли бы и не противорѣчить существованію особой редакціи Александріи въ Болгарской Энциклопедіи X вѣка, — а только такую Александрію мы и должны признавать, становясь на минуту на точку зрѣнія Шахматова. Но не говоря о томъ, что вторая редакція Александріи воспользовалась Пчелой, раннее происхожденіе которой сильно подозрѣвается, не говоря объ этомъ, важно обратить вниманіе на Сказаніе объ Индѣй-

скомъ Царствѣ, вошедшее во вторую редакцію Александрии въ довольно значительномъ количествѣ. Въ изслѣдованіи объ Александрии не касался этого памятника, посвятивъ ему особое изслѣдованіе (Труды славян. комм. Моск. Археол. Общ. т. I). Въ послѣднемъ я доказалъ, что Сказаніе должно сопоставляться съ такими памятниками, какъ Троянская Притча, Повѣсть о Тристанѣ и Изотгѣ, и вмѣстѣ съ ними относится къ XIII—XIV вв. Дѣйствительно, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ не могло принадлежать первоначальному переводу Александрии X вѣка, такъ какъ оно переведено, какъ мною доказано, съ латинскаго языка, и въ способѣ перевода стоитъ отдѣльно отъ переводовъ съ греческаго. На тѣхъ же основаніяхъ оно не могло находиться, хотя бы и отдѣльно отъ Александрии, въ предполагаемой Болгарской Энциклопедіи X вѣка. Слѣдовательно, мы должны признать, что вторая редакція Александрии не могла явиться въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее имѣемъ, раньше XIII—XIV вв... Такъ какъ Сказаніе не могло быть въ Болгарской Энциклопедіи, то отсюда слѣдуетъ, что авторъ Александрии воспользовался имъ въ отдѣльномъ видѣ; а такъ какъ способъ пользованія имъ тотъ же, что и другими памятниками, то отсюда слѣдуетъ то, что и другія вставки сдѣланы тогда-же и тѣми же лицами, что и изъ Сказанія; а такъ какъ всѣ другіе факты, съ своей стороны, не только не вызываютъ необходимости признавать существованіе особаго перевода особою редакціи Александрии, но прямо говорятъ противъ этого, то отсюда слѣдуетъ одинъ выводъ, а именно, что вторая редакція Александрии явилась изъ первой при помощи осложнений въ періодъ XIII—XIV в. (XV вѣка есть уже списки), и притомъ на Руси, во первыхъ потому, что всѣ памятники, послужившіе для ея заполнения, извѣстны въ русскихъ текстахъ, во вторыхъ, потому, что Пчела, предположительно, явилась на Руси XIII—XIV в., и въ третьихъ потому, что за то же говорятъ и Сказаніе объ Индѣйскомъ Царствѣ.

Не могутъ имѣть существеннаго значенія и ссылки на Ипатьевскую лѣтопись и Посланіе Климента Смолятича. Эпизодъ, о которомъ говоритъ Ипатьевская лѣтопись подъ 1100 годомъ, не характеренъ для Александрии. Сказаніе о входѣ Александра въ Іерусалимъ редакторамъ лѣтописныхъ сборниковъ было извѣстно не только изъ Александрии, но и изъ хронистовъ; кромѣ Георгія Амартола такое же описаніе находимъ напр. у Юсифа Флавія. Откуда собственно попалъ этотъ отрывокъ въ Ипатьевскую Лѣтопись, пока я не знаю, но что

не изъ «второй, до насъ не дошедшей, переводной Александріи» (стр. 29), это можно доказывать словами же Шахматова, что въ этой второй редакціи Іерусалимскій эпизодъ былъ тотъ, который мы имѣемъ въ первой редакціи (стр. 20), т. е. взятый изъ хроники Георгія Амартола. Не предполагаетъ же авторъ, что во второй переводной Александріи были рядомъ два однородныхъ разсказа! Такимъ образомъ, Ипатьевское сказаніе намъ нѣтъ нужды сближать съ Александріей. Еще менѣе на основаніи Лѣтописца Переяславля Суздальскаго мы можемъ говорить о сокращенной передачѣ «нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ Александріи» (ibid. прим. 1). Продолженіе Лѣтописца Переяславля Суздальскаго и должно разсматриваться какъ продолженіе, какъ позднѣйшая прибавка къ Іерусалимскому эпизоду, во первыхъ потому, что она совершенно не имѣетъ значенія для той цѣли, для которой Іерусалимскій эпизодъ вставленъ въ лѣтопись (для доказательства, что и «погаными» можетъ руководить ангелъ), а во вторыхъ потому, что она принадлежитъ къ другому литературному роду, именно къ тѣмъ ходячимъ изреченіямъ, о которыхъ была рѣчь выше подъ именемъ Δόξα Ἀλεξάνδρου и которыя входили въ Пчелы и въ подобныя памятники. Подобный анекдотъ мы встрѣчаемъ и въ нашей Пчелѣ (хотя я не ставлю въ связь непременно съ ней) въ такомъ видѣ: Александр. Сѣ въ плѣненїи [Александромъ] и Дарьевоу дщерь имъ (αἰχμαλώτου; λαβὼν τὰς Δαρείου θυγατέρας) и дружина велэхоуть кмоу совокоупитиса съ нею израдныга красоты кга ради, и рѣ Александръ: срамъ ксть нѣ ѡдолѣвшимъ мужѣ многымъ а нынѣ ѡ жены, побѣженоу бѣ (Семеновъ, Древняя русская Пчела, стр. 34, въ Сборникѣ Отд. русск. яз. Ак. Наукъ 54).

Нѣтъ никакихъ осязательныхъ основаній подъ «еллинскими писаніями» Климента Смолятича разумѣть Еллинскій Лѣтописецъ, и нѣтъ такой выводъ нисколько «самъ собой не напрашивается». Такъ какъ Еллинскаго Лѣтописца въ томъ видѣ, какъ его представляетъ авторъ, и не было (см. ниже), то подъ «еллинская писанія» разумѣются только еллинскія писанія и ничего больше: они существовали и независимо отъ Александріи.

Я не вижу нужды останавливаться на редакціи Александріи по III виду Еллинскаго Лѣтописца т. е. по спискамъ Ундольск. I и Троицк. 728, такъ какъ и тутъ все дѣло заключается во взаимномъ сближеніи двухъ Александрій, въ маргинальныхъ отмѣткахъ къ тексту перваго перевода Александріи, въ различныхъ ссылкахъ и

указаніяхъ на текстъ второго перевода, вставленныхъ въ текстъ первого перевода (стр. 28), о чемъ уже было такъ много говорено выше. Я долженъ, впрочемъ, сказать, что по существу между нами нѣтъ рѣзкаго различія въ данномъ случаѣ. Какъ я призналъ Александрію Ундольскаго № 1 смѣшанной редакціей, такъ такую же признаетъ ее и Шахматовъ. Если же авторъ говоритъ, что «составителю III вида пришлось работать подъ такимъ экземпляромъ Еллинскаго Лѣтописца, который легъ въ основаніе и II вида этого лѣтописца», то это значитъ, что его редакторъ сначала переписывалъ вторую редакцію, какъ бы она ни составлялась, а затѣмъ перешелъ къ первой, которая должна была существовать въ этомъ особомъ экземплярѣ Еллинскаго Лѣтописца — ибо откуда же явилась бы вторая редакція Александрии (II видъ Елл. Лѣт.)? А это то же самое, что говорилъ и я. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о составѣ и происхожденіи всего сборника Ундольскаго № 1-й, я долженъ настаивать только на томъ, что помѣщенная въ немъ Александрія нисколько не указываетъ на особый переводъ Александрии, и ея редакція нисколько не стоитъ въ связи съ тѣмъ, что будто бы «предположеніе о пользованіи составителемъ III вида двумя редакціями Еллинскаго лѣтописца представляется невѣроятнымъ» (стр. 27). И то обстоятельство, «что мѣстами Александрія Унд. списка подробнѣе второй редакціи Александрии» (стр. 28, прим.), нисколько не противорѣчитъ тому, что она составлена на основаніи послѣдней. Подробности обнаруживаются не въ особыхъ эпизодахъ, а въ случайныхъ пропускахъ, которые никого, конечно, не удивятъ и которые объясняются, конечно, тѣмъ, что списокъ Александрии, легшій въ основаніе Еллинскаго Лѣтописца, допустилъ ничтожные пропуски, которыхъ нѣтъ въ списокѣ Ундольскаго. Такъ напр. добавленіе, касающееся дочери царя Фола — и пославъ вою и Германіка своего на море в кораблехъ, поать ю за са по повелѣнію Фола пра (мое изд. 152) — восходитъ къ тому же тексту Мефодія Патарскаго, гдѣ читаемъ: Визъ посла по морѣ къ Фолоу прѣ Евѣѡпскому Германіка воеводѣ . . . и визѣ Виза прѣ дъщерь Фола пра Евѣѡпскаго въ женоу себѣ (мое изслѣд. объ Откр. Меф., изд. стр. 107). Нисколько неудивительно, что въ спискахъ Еллинскихъ Лѣтописцевъ (I и II вида) встрѣчаются ничтожные пропуски, какъ, съ другой стороны, и въ Троицкомъ списокѣ встрѣчаются такіе же пропуски. Ни одинъ списокъ не застрахованъ отъ этого.

Остается сказать нѣсколько словъ объ Александрии Синод. списка

№ 154, который я призналъ за переходную ступень отъ первой редакціи ко второй, но которую Шахматовъ находитъ болѣе вѣроятнымъ признать такой же смѣшанной редакціей, какъ первая и вторая: «редакторъ Синод. сп. № 154 или его оригинала поступилъ такъ же, какъ составитель второй редакціи, но совершенно независимо отъ него» (стр. 27). Главное основаніе для невозможности принять мой взглядъ на эту Александрію Шахматовъ находитъ въ моей же характеристикѣ второй редакціи Александрии, о чемъ я уже говорилъ выше: Стоитъ мнѣ только поступиться такой характеристикой, что я и сдѣлалъ выше, какъ основаніе автора слѣд. падеть. Я уже сказалъ, что пользованіе со стороны нѣсколькихъ послѣдовательныхъ редакторовъ одними и тѣми же источниками при обработкѣ одного и того же памятника не должно считаться чѣмъ-то исключительнымъ. Признавая такой способъ литературной работы не только принципиально возможнымъ, но и подтвержденнымъ примѣрами, я нѣсколько видоизмѣнилъ свой взглядъ на Александрію Синод. № 154, оставаясь, однако, въ основаніи при старомъ мнѣніи. Она также и теперь для меня является среднимъ типомъ между первой и второй редакціями, но я думаю, что ея оригиналъ (самъ списокъ Синод. № 154 представляетъ сокращеніе) есть ничто иное, какъ черновая работа того редактора, который въ результатѣ далъ намъ Александрію второй редакціи. Подтвержденіе я вижу въ указанномъ мною фактѣ, что повѣствованія объ испытаніи глубины земной и высоты небесной въ Синод. № 154 помѣщены въ видѣ приписокъ въ концѣ, а во второй редакціи они уже вставлены въ самый рассказъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что редакторъ не сразу изъ первой редакціи сдѣлалъ вторую, но передѣлывалъ нѣсколько разъ, и понятно, поэтому, что и способъ передѣлки былъ у него все время одинъ и тотъ же, какъ и самый матеріалъ, на основаніи котораго онъ передѣлывалъ, былъ тотъ же. Понятно, что по духу оригиналъ Синод. № 154 и не долженъ отличаться отъ Александрии Еллинскаго Лѣтописца. Та и другая Александрии и по времени сближаются между собой: обѣ составлены въ промежутокъ между появленіемъ. Сказанія объ Индѣйскомъ Царствѣ и Сербской Александрии: послѣдней нѣтъ ни въ той ни другой. Поэтому, мнѣ теперь представляется болѣе вѣроятнымъ, что между первой и второй редакціями было только одно посредствующее звено, Синод. № 154, принадлежащее тому же автору, а не нѣсколько, принадлежащихъ различнымъ авторамъ: для при-

знанія послѣдникъ слишкомъ мало времени. Никакихъ же самостоятельныхъ слѣдовъ существованія особой Александріи Синод. № 154 не даетъ.

Итакъ, чтобы оправдать свое предположеніе о болгарской энциклопедіи X вѣка (см. ниже), Шахматову пришлось не только изобрѣсти особый переводъ особой греческой Александріи, но и допустить необыкновенно произвольное построеніе. Оказывается, что три редактора, итъя передъ собой два текста Александріи, изъ которыхъ одинъ былъ испещренъ дополненіями и маргинальными замѣтками изъ второго, — всѣ три независимо другъ отъ друга, продѣлываютъ одинаковую работу: берутъ одинъ переводъ Александріи, кладутъ его въ основаніе и дополняютъ вставками изъ второго перевода, часто замѣняя старый текстъ новымъ, но всѣ трое одинаковымъ, и никому изъ нихъ не придетъ въ голову, что прѣще взять прямо второй переводъ, чѣмъ такимъ сложнымъ способомъ дѣлать ему подобный. Авторъ не хочетъ допустить ничтожнаго случайнаго совпаденія въ отдѣльныхъ случаяхъ между второй редакціей Александріи и подобными же *Historia de proeliis*, *Βίος Ἀλεξάνδρου* и въ то же время допускаетъ нѣсколько удивительное единодушіе и совпаденіе при обработкѣ славянскихъ Александрій!

Состава и происхожденія Еллинскаго Лѣтописца въ его различныхъ видахъ я коснусь въ ближайшемъ будущемъ, а теперь замѣчу лишь, что мы не можемъ ставить послѣдніе въ ту взаимную связь, которая предположена Шахматовымъ, не можемъ потому, что исторія Александріи, на которой построилъ авторъ свою исторію Еллинскаго Лѣтописца, должна представляться совершенно иначе, нежели ее представилъ авторъ. Александрія не должна неразрывно соединяться съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ, такъ какъ она имѣла и свою исторію, независимую отъ послѣдняго. Въ своемъ изслѣдованіи я заключилъ, что Александрія, въ извѣстный періодъ соединившись съ хроникой Малалы, продолжала сохраняться и въ отдѣльномъ видѣ, и впоследствии преобразовалась во вторую редакцію, которая авторомъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца взята какъ источникъ на ряду съ другими. Я и теперь не вижу основанія отказываться отъ такого заключенія, причѣмъ я прибавлю, что для насъ въ этомъ случаѣ совершенно безразлично, вышла ли вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца изъ первой или обѣ редакціи восходятъ къ одной предшествующей. Основанія я долженъ привести тѣ же: 1) существованіе списка Синод.

№ 154, который есть ничто иное, какъ черновая предварительная обработка первой редакціи, совершенная тѣмъ же авторомъ, который далъ намъ вторую редакцію Александрія и 2) совершенно иной характеръ обработки Александрія, съ одной стороны, и всѣхъ прочихъ намятниковъ, вошедшихъ въ Еллинскій Лѣтописецъ второй редакціи, съ другой.

Все разсужденіе Шахматова велось къ тому, чтобы доказать существованіе Болгарской энциклопедіи X вѣка. На стр. 18 онъ предвѣдѣлъ такого рода возраженіе: «могъ ли одинъ памятникъ совмѣщать подъ однимъ переплетомъ и библейскія книги и хронику Малалы, и хронику Амартола, и Толкованія Ипполита на книгу Даніила и многія другія статьи и отрывки? И тутъ же отвѣчаетъ — «думаемъ, что изученіе дошедшихъ изводовъ Еллинскаго Лѣтописца заставляеть утвердительно отвѣтить на эти вопросы», а на стр. 32 указываетъ уже и составъ этой энциклопедіи. Вотъ онъ: 1) Отдѣлъ ветхозавѣтныхъ книгъ; онъ заключалъ въ себѣ Пятикнижіе Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руевъ, Тетровасиліонъ, Есѣирь, а изъ пророческихъ книгъ: Пѣсни Пѣсней съ толкованіемъ, Еклезіастъ съ толкованіемъ, Притчи Соломона, отрывки изъ премудрости Соломона, книгу пророка Даніила съ толкованіями Ипполита. 2) Хроника Іоанна Антиохійскаго Малалы. 3) Хроника Георгія Амартола. 4) Александрія въ переводѣ, близкомъ ко второй греческой редакціи. 5) Александрія въ другомъ переводѣ по редакціи значительно обособленной. 6) Статья Палладія о Рахманахъ. 7) Дѣянія апостоловъ Петра и Павла, сказаніе о созданіи церкви св. Софіи въ Константинополѣ, сказаніе о рожденіи Константина великаго и о нѣкоторыхъ событіяхъ его царствованія, апокрифъ о Іереміи пророкѣ и Варухѣ и нѣк. др. Далѣе, въ ту же энциклопедію входилъ Изборникъ Святослава 1073 г.

Нужно прежде всего обратить вниманіе на самое названіе «энциклопедія», которое въ послѣднее время слишкомъ часто стало примѣняться къ различнымъ памятникамъ славянорусской литературы, что можетъ подавать поводъ къ недоразумѣніямъ. Изобрѣтателямъ «энциклопедій» слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что говоритъ г. Прѣсняковъ въ Замѣткѣ о лицевыхъ лѣтописяхъ (Изв. отд. русск. яз. Акад. Наукъ, т. VI, кн. 4-я (1901 г.) стр. 295 — 6), по поводу названія «московской исторической энциклопедіи», впервые приложенной къ извѣстному историческому сборнику В. Н. Щепкинымъ. «Выраженіе энциклопедія — говоритъ г. Прѣсняковъ — хотя бы и съ до-

бавкой «историческая» — неудачно. Н. П. Кондаковъ указалъ мнѣ, что слово это имѣетъ слишкомъ опредѣленное значеніе въ исторіи средне-вѣковой литературы, чтобы примѣнять его къ нашему памятнику». То же должно сказать и относительно «Болгарской энциклопедіи». Но даже если мы подъ «энциклопедіей» стали бы разумѣть и другого рода сборники, ничего общаго съ опредѣленной средне-вѣковой энциклопедіей не имѣющие, то и тогда «Болгарская энциклопедія» останется совершенно непонятной. Независимо отъ какого бы то ни было содержанія, названіе «энциклопедіи» можетъ быть придаваемо только такому собранію, которое объединяется опредѣленнымъ направленіемъ, и съ этой стороны еще можно бы примириться съ названіемъ нѣкоторыхъ памятниковъ «историческими энциклопедіями». Но «Болгарская энциклопедія» обнаруживаетъ намъ стремленіе «объединить въ формѣ одной обширной энциклопедіи почти всю переводную литературу» X вѣка (стр. 34), причѣмъ такая энциклопедія, въ противоположность тому, что было сказано раньше, уже «могла занимать тома три или четыре». Это хорошо еще, что она уже заключалась въ трехъ или четырехъ переплетахъ, а не въ одномъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ мы должны бы представлять ее въ родѣ «Голубиной книги», которая «въ длину сорока сажень, поперечины двадцати сажень... на рукахъ держать — не сдержатъ будетъ, на нагой положить Божій — не уложится». Но мы можемъ сказать, что она съ такимъ же правомъ могла занимать томовъ пять, шесть и т. д. до нѣсколькихъ десятковъ. Въ результатѣ должно исчезнуть всякое представленіе о чемъ-то цѣльномъ: мы получаемъ рядъ книгъ, въ которыхъ помѣщается почти вся переводная литература, которая въ X вѣкѣ, конечно, не поражала своей громадностью. Вполнѣ возможно, что у нѣкоторыхъ лицъ, любителей литературы и наиболѣе состоятельныхъ, и стояли на полкѣ собранія такихъ книгъ, ничего между собой общаго, въ смыслѣ объединенія, не имѣющихъ. Но что тутъ энциклопедичнаго? Съ этой точки зрѣнія, всякое собраніе любителя рукописей будетъ «энциклопедіей», въ которой мы, безъ сомнѣнія, найдемъ вѣкоторыя памятники въ двухъ переводахъ. Даже болѣе: всякое собраніе книгъ, стоящихъ на одной полкѣ, будетъ также энциклопедіей, а если ихъ владѣтель на основаніи ихъ составитъ свое сочиненіе, то будущій историкъ литературы едва ли поступитъ правильно, если, разбирая послѣднее, будетъ на основаніи его изображать существованіе «энциклопедіи». Поэтому, мы должны оставить всякую мысль о существованіи «болгарской энциклопедіи»,

если не согласимся напередъ, что это — фикція, придуманная ради удобства: тотъ, кто составлялъ Еллинскій Лѣтописецъ изъ разнообразныхъ источниковъ, разумѣется, долженъ былъ имѣть у себя на полкѣ въ трехъ или четырехъ, а можетъ быть и двадцати томахъ всѣ эти источники; но до «энциклопедіи» тутъ далеко. Еще менѣе можетъ быть рѣчи о переходѣ Симеоновской энциклопедіи на Русь въ XI вѣкѣ. Я соглашаюсь съ тѣмъ, что большинство памятниковъ, перечисленныхъ Шахматовымъ, стало извѣстно на Русь въ XI вѣкѣ, но 1) вижу въ этомъ переходѣ лишь возможность, а не «увѣренность», и 2) нѣтъ нужды говорить о переходѣ «энциклопедіи». Если уже, по словамъ автора, энциклопедія могла занимать три-четыре тома, то тома эти могли переходить на Русь сами по себѣ, а не какъ составныя части энциклопедіи, не будучи связаны ничѣмъ между собой. Что же касается «неувѣренности» въ переходѣ всѣхъ памятниковъ на Русь въ XI вѣкѣ, то я долженъ остановиться на «возможныхъ» выводахъ автора, основанныхъ на «невозможныхъ» положеніяхъ.

Ходъ разсужденій автора таковъ: Архивскій сборникъ есть также особый видъ Еллинскаго Лѣтописца, составленный на основаніи болгарской энциклопедіи; въ оригиналѣ Архивскаго сборника находился извѣстный Изборникъ Святослава, слѣдовательно послѣдній былъ и въ болгарской энциклопедіи; Изборникъ Святослава извѣстенъ уже отъ 1073 года: слѣдовательно, вся Симеоновская энциклопедія — «съ увѣренностью можно сказать» — стала извѣстной на Русь уже въ XI вѣкѣ.

Никто не будетъ отрицать, что Изборникъ Святослава есть Изборникъ Симеона, но такъ какъ существованіе энциклопедіи должно быть отвергнуто, то нѣтъ никакихъ основаній изъ появленія на Русь Святославова Изборника въ XI в. выводить появленіе въ томъ же вѣкѣ и энциклопедіи. Но если бы даже и признали на минуту существованіе такой энциклопедіи, то и тогда не могли бы приводить оба памятника въ непосредственную связь. Шахматовъ приводитъ въ связь Изборникъ Святослава съ болгарской энциклопедіей черезъ оригиналъ Архивскаго сборника (по его терминологіи — IV видъ Еллинскаго Лѣтописца) на томъ основаніи, что изъ оглавленія, сохранившагося въ Архивскомъ сборникѣ, видно, что съ послѣднимъ когда-то былъ соединенъ Изборникъ Святослава, и указаніе на этотъ фактъ, дѣйствительно, составляетъ заслугу Шахматова. Но отсюда нельзя дѣлать тѣ выводы, которые дѣлаетъ авторъ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о

составъ и происхожденіи Архивскаго сборника (IV видъ Елл. Лѣт.), я долженъ опять обратить вниманіе на то, что уже разъ было мною сказано, а именно, что Архивскій сборникъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, долженъ разсматриваться какъ нѣчто особое, безъ связи съ тѣми памятниками, которые были съ нимъ соединены. Въ этомъ особомъ совершенно видѣ онъ является намъ въ Виленскомъ спискѣ, который не можетъ разсматриваться какъ остатокъ раньше бывшаго болѣе полнаго сборника, какъ долженъ разсматриваться Архивскій сборникъ. Виленскій списокъ не можетъ считаться вынутымъ изъ болѣе полнаго сборника, такъ какъ мы не имѣемъ никакого слѣда этого. Наоборотъ, Архивскій списокъ является именно такимъ остаткомъ, такъ какъ онъ сохранилъ намъ то раздѣленіе на главы, которое было въ полномъ болѣе раннемъ сборникѣ и которое соотвѣтствуетъ сохранившемуся оглавленію. Съ другой стороны, сборникъ-оригиналъ Архивскаго и Виленскаго составлялъ особый цѣльный памятникъ, который, раньше чѣмъ въ видѣ Архивскаго вошелъ въ составъ болѣе полнаго, былъ раздѣленъ на свои главы, сохранившіяся въ обоихъ спискахъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній изъ того обстоятельства, что когда-то, позднѣе 1262 г., былъ составленъ сборникъ, въ составъ котораго вошли 1) Архивскій хронографъ, 2) Пчела, 3) Изборникъ Святослава, 4) Никифоровъ Лѣтописецъ и 5) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго — выводить, что въ «болгарской энциклопедіи» былъ Изборникъ Святослава: здѣсь нѣтъ совершенно точекъ соприкосновенія. Отсюда понятно, что и всѣ дальнѣйшіе выводы падаютъ сами собой. Руководясь методомъ нашего автора, мы можемъ всякій сборникъ, въ которомъ найдемъ памятники, бывшіе въ болгарской энциклопедіи, возводить къ этой послѣдней и называть его особымъ видомъ Еллинскаго Лѣтописца. Напр. сборникъ изъ собранія гр. Уварова № 3 (18) содержитъ: 1) библейскія книги до кн. Есфирь включительно, 2) хронику Іосифа Флавія и 3) Александрію. Первая и третья части были и въ болгарской энциклопедіи, а хроникой Іосифа Флавія могъ воспользоваться самостоятельно соединившій двѣ указанныя части, подобно тому какъ ею воспользовался самостоятельно, по словамъ автора, редакторъ IV вида Еллинскаго Лѣтописца (стр. 15—16). Но даже и хронику Іосифа Флавія включить въ ту же болгарскую энциклопедію не представлялось бы невозможнымъ. Такииъ же особымъ видомъ Еллинскаго Лѣтописца, восходящимъ къ той же болгарской энциклопедіи, будетъ и Синод. сп. № 154, такъ какъ

онъ содержитъ въ себѣ: 1) хронику Георгія Амартола, 2) хронику Иоанна Малалы и 3) Александрію — все это было въ Болгарской энциклопедіи, а кромѣ того, по словамъ же автора, Александрія этого списка представляется такой же смѣшанной редакціей, что и первая и вторая (стр. 27). Совершенно остается поэтому непонятнымъ, почему авторъ этотъ историческій сборникъ не сдѣлалъ особымъ видомъ Еллинскаго Лѣтописца, что было бы вполне последовательно. — Вообще я долженъ сказать, что слѣдуетъ осторожно обращаться съ дѣломъ воссоединенія древнихъ энциклопедій. Мнѣ пришлось уже разъ высказаться противъ такого стремленія строить энциклопедіи, къ которымъ бы возводились всѣ дошедшіе до насъ памятники или всѣ редакціи одного памятника (Къ вопросу о гадательныхъ псалтиряхъ, въ Лѣтописи Истор.-филол. общ. при Новорос. универ. IX (1901), стр. 178). Въ томъ же духѣ высказываюсь и теперь, тѣмъ болѣе, что рассматриваемая энциклопедія отнесена къ очень древнему времени. Это своего рода мифологическая школа, представлявшая себѣ стройное развитіе мифологической системы въ древнѣйшее время, системы, которая дошла до насъ въ остаткахъ въ видѣ современныхъ сказаній и обычаевъ.

Обращу вниманіе на одно замѣчаніе автора. На основаніи предполагаемаго существованія въ болгарской энциклопедіи Никифорова Лѣтописца, доведеннаго въ древнѣйшихъ редакціяхъ до Льва, Александра и Константина, авторъ говоритъ: «Не слѣдуетъ ли отсюда, что Симеонова энциклопедія составила до 920 года? Если это такъ, то очевидно, что въ первой древнѣйшей своей редакціи Еллинскій Лѣтописецъ не заключалъ хроники Амартола, переведенной по списку, доведенному продолжателемъ до 948 г. (года смерти Романа)» (стр. 34).

Но даже если бы мы и признали энциклопедію, то, во-первыхъ основанія слишкомъ произвольны для признанія двухъ ея редакцій, а во-вторыхъ, простое прибавленіе новой хроники не могло составлять редакціи. Однимъ словомъ, даже принимая одни положенія Шахматова, мы запутываемся въ лабиринтъ противорѣчій и недоразумѣній. Не чувствовалъ ли это уже самъ авторъ, когда сказалъ: «Весьма вѣроятно, что въ ней могли отсутствовать и другія статьи и сказанія: но они съ теченіемъ времени присоединялись къ тому обширному основанію, которое заложено было еще при Симеонѣ» (стр. 34). Это будетъ вполне понятно, если мы будемъ имѣть въ виду не «энциклопедію»

дію», а просто письменную литературу вообще, которая, конечно, пополнялась постепенно, но основаніе ея было заложено при Симеонѣ.

Разумѣется, все то, что авторъ говоритъ на стр. 31 о томъ, «какъ еще въ древности сближались между собой отдѣльныя, однородныя по содержанію, части энциклопедіи», падаетъ само собой. Представленіе о такомъ сближеніи основывается на Александрии, но ея «изученіе», какъ показано выше, не оправдываетъ большинства заключеній. Вообще, всякая мысль о какой-то болгарской энциклопедіи должна быть оставлена, хотя бы мы и признали, что начало Еллинскаго Лѣтописца восходитъ къ болгарской литературѣ Симеоновскаго періода. Объ Еллинскомъ Лѣтописцѣ будетъ рѣчь далѣе. Теперь же я только скажу, что эта энциклопедія, которую намъ нарисовалъ авторъ, даже если бы она и существовала, уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ называться Еллинскимъ Лѣтописцемъ и быть прототипомъ нашихъ извѣстныхъ Еллинскихъ Лѣтописцевъ. Если мы возьмемъ всю славянскую переводную литературу Симеоновскаго и послѣдующихъ періодовъ, то каждый памятникъ, заключающій въ себѣ выдержки изъ различныхъ произведеній, съ такимъ же правомъ можетъ быть возведенъ къ этой литературѣ т. е. энциклопедіи. Вся послѣдующая компилятивная литература въ концѣ концовъ приведетъ къ своимъ первоисточникамъ, которые всѣ въ совокупности и составятъ энциклопедію, особенно если мы примемъ во вниманіе вѣрную мысль Шахматова, что энциклопедія, заложенная трудами Симеона, постоянно пополнялась новыми памятниками. Съ другой стороны, та энциклопедія, которая восстанавливается Шахматовымъ, не включаетъ въ себѣ ничего характернаго: это просто собраніе стоящихъ безъ всякой между собой связи всѣхъ извѣстныхъ тогда памятниковъ переводной литературы. Еллинскій же Лѣтописецъ прежде всего есть Лѣтописецъ т. е. произведеніе историческаго характера; поэтому, и событія расположены въ исторической послѣдовательности, насколько, конечно, хватало умѣнья автора. Авторъ не только располагалъ событія въ хронологическомъ порядкѣ, но и дѣлалъ выборку изъ доступнаго ему матеріала, т. е. производилъ извѣстную литературную работу, хотя намъ и остается иногда неяснымъ, почему онъ бралъ то, а не другое событіе. Возсозданный путемъ сравненія прототипъ Еллинскихъ Лѣтописцевъ все же будетъ Лѣтописцемъ т. е. памятникомъ опредѣленнаго типа, ничего общаго въ этомъ отношеніи не имѣющимъ съ «энциклопедіей». Поэтому, если прототипъ Еллинскаго Лѣтописца мы и возведемъ къ Симеоновскому

періоду, то на томъ только основаніи, что всѣ памятники, изъ которыхъ онъ составленъ, могли существовать въ Болгаріи въ X вѣкѣ. Я говорю «могли», потому что относительно нѣкоторыхъ, какъ напр. относительно хроникъ Георгія Амартола, еще не рѣшенъ вопросъ; гдѣ они появились — въ Россіи или на славянскомъ югѣ.

В. Истрицъ.